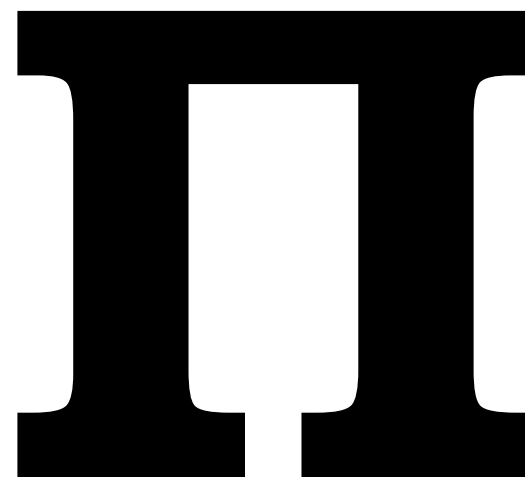

В ледяном скелете города

Анна ГОРДЕЕВА

Фотографии предоставлены пресс-службой
Пермского театра оперы и балета

Одним из главных событий театрального сезона 2015/16 в России стала пермская премьера «Травиаты» в постановке Роберта Уилсона. Спектакль в Пермском театре оперы и балета был посвящён памяти Жерара Мортье — именно этот великий оперный продюсер несколько лет назад предложил Роберту Уилсону поставить знаменитую оперу Верди.

Предложение было сделано, когда Мортье был директором мадридского театра «Реал». Однако в сентябре 2013 года он оставил свой пост из-за тяжёлой болезни (которая в конце концов стала причиной его ухода в 2014 году), и новое руководство отказалось от этого проекта. Поскольку идея постановки самой чувствительной и слезоточивой оперы самым «холодным» и сдержанным режиссёром мира была дорога продюсеру, он стал искать возможности её осуществления на других площадках. В результате возник альянс Пермского театра оперы и балета, датской компании Unlimited Performing Arts, Landestheatre в Линце и Theatres de la Ville в Люксембурге. Увидеть готовую постановку Мортье уже не успел. Первым спектакль выпустил театр в Линце — и это было всего лишь год назад. В июне 2016-го пришёл черёд Перми.

В этой постановке, где Уилсон был одновременно режиссёром, сценографом и автором светового решения, он, вот уже полсотни лет работающий в театре и всё это время пребывающий на фронтире современного искусства, хорошо узнаваем и верен себе: пустое пространство сцены выморожено синим светом, лица певцов выбелены, как у артистов театра но, движения их резки, как у кукол-марионеток. Все эти приёмы, составляющие фирменный стиль режиссёра, в России можно было наблюдать и в «Мадам Баттерфляй», что появилась в Большом театре в 2005 году, и в «Сказках Пушкина», выпущенных Театром Наций в июне 2015 года. Но вот что важно: именно в «Травиате» приёмы эти работают на триста процентов.

Всё человеческое — тёплое, понятное, слегка вульгарное (как Париж на вечеринке у Флоры) изгнано со сцены. Ис-

чезли краски полусвета, которые так любовно изображали многие режиссёры: интерьеры, диванчики, бокалы шампанского — словом, некий «миф Парижа», запечатлённый в сознании миллионов непарижских жителей. Перед нами не тёплый миф, но ледяной скелет города, приветливый к тем, кто умеет притворяться, и жёстко наказывающий тех, кто посмеет быть искренним. И свет, привычно для Уилсона выставленный так, что фигуры артистов кажутся почти плоскими, здесь выглядит декларацией ригориста, которая могла бы звучать следующим образом: мне неинтересно, что за личные истории превратили этих людей в таких бессердечных существ, рассматривать их со всех сторон не хочу — они на такое внимание не имеют права.

В этом колоссальном (небольшая сцена Пермской оперы кажется расширенной до космических масштабов) и холодном (в воздухе медленно перемещаются огромные острые ледяные иголки) пространстве люди не прикасаются друг к другу. Совсем. Если надо передать письмо, то один человек поворачивает ладонь в воздухе так, будто на этой

Жерар Мортье

ладони записка, а другой из воздуха это невидимое послание вынимает. Из-за отсутствия телесных контактов (ни объятий, ни пощёчин) и строгого расчёта траекторий движения героев театр в какой-то момент начинает напоминать планетарий: мы сидим вот здесь и смотрим на странствия звёзд, невероятно далёких от нас. Но эту иллюзию (всё – далеко, всё – не про нас) быстро разбивает музыка. Потому что в ней вложенные Верди пыл, огонь, страдание.

Худрук Пермской оперы дирижёр Теодор Курентзис, чья слава более всего связана с интерпретациями новой музыки и с увлечением аутентизмом, взяв эту заграничную и замученную партитуру, отнёсся к ней как к интеллектуальному вызову. Он заставил аудиторию вслушиваться заново – и слышать новое. Мягкость там, где веками гроыхало простодушное торжество; сарказм там, где привычно слышалась убаюкивающая надежда; силу там, где вроде бы речь идёт о слабости. Оркестр Теодора Курентзиса musicAeterna вместе с дирижёром настаивает на том, что «Травиата», которую давно уже воспринимают как комплект шлягеров, где может найтись мелодия и для новогоднего телеконцерта, и для мобильного телефона, есть слитная, единая музыка. История пламенной души,

бьющейся о внешний лёд, – души цельной, тем непривычной для суетливого, раздробленного в своих мелких заботах мира и этим миром убиваемой. Чахотка в спектакле Уилсона и Курентзиса не причина, а следствие несчастья героини.

Такую фантастическую цельность смогла сыграть – и прожить – Надежда Павлова, которой досталась главная партия в опере. Три сезона назад Теодор Курентзис позвал молодую солистку из Музыкального театра Карелии, в котором она работала после окончания Петрозаводской консерватории, на Урал. К настоящему времени у неё в Перми сложился обширный репертуар – от Марфы в «Царской невесте» до Адели в «Летучей мыши», а за роль Донны Анны в «Дон Жуане» певица была выдвинута на премию «Золотая маска». И всё-таки её звездный час, её взлёт на самые вершины профессии случился именно в «Травиате».

Нечасто это можно сказать даже о сверхзвёздах – но в данном спектакле Павлова была абсолютно безупречна и актёрски, и вокально. Строго выдерживая режиссёрский рисунок, воспроизводя все его инопланетные (никак не оправ-

данные психологически – и в этом один из принципов работы Уилсона) декоративные жесты, добровольно превращаясь в элемент ледяной картинке, певица голосом – и только голосом – рассказывала историю Виолетты Валери. И страдание, и горькую насмешку над собой, и девчачью влюблённость, и преобразование её страсти к Альфреду в чувство почти материнское, самоотверженное, вечное. Казалось, границ у этого голоса нет: высокие ноты не были трюком, они возникали так свободно, будто Павловой ничего не стоило уйти ещё на октаву вверх. В этот вечер все собравшиеся на премьеру театралы – даже вовсе не верящие ни в какие «знаки судьбы» – вспомнили, что почти полвека назад в Перми уже восходила звезда одной Надежды Павловой – уникальная балерина, которую утащил в Москву Большой театр, училась в Пермском хореографическом училище.

Понятно, впрочем, что долгая финальная овация была адресована не только этой замечательной певице. Публика с энтузиазмом встречала на поклонках и Айрама Эрнандеса, который сделал своего Альфреда Жермона – в точности

выдерживая все ограничения режиссуры – трогательным и чуть нелепым, и Дмитриса Тилиакоса, превратившего отца героя в непреклонный монумент (а сомнение персонажа в своей правоте звучало в голосе ясно и честно), и Наталью Буклагу, чья Флора с упоением командовала своей вечеринкой. Ну и, разумеется, хору и оркестру musicAeterna, сотворившим вместе с солистами этот вечер.

У «Травиаты» Уилсона – Курентзиса есть лишь один недостаток: её чрезвычайно сложно вывозить на гастроли. Для выстраивания света в том же безупречном качестве на новой площадке требуется пять дней, что создаёт серьёзные экономические препятствия для представления спектакля миру, так сказать, вживую. Но, к счастью, постановку эту включило в свой план арт-объединение, которое в тридцати пяти российских городах (от Калининграда до Петропавловска-Камчатского) осуществляет трансляции балетов из Большого театра и опер из нью-йоркской Метрополитен. Возможно, вскоре лучшие спектакли Пермского театра оперы и балета покажут за пределами нашей страны.

Within the City's Icy Carcass

Anna GORDEYEVA

Photos courtesy of the press service of Perm Opera and Ballet Theatre

THE PERM PREMIERE OF ROBERT WILSON'S "LA TRAVIATA" BECAME ONE OF THE MAIN EVENTS OF THE 2015/16 THEATRE SEASON IN RUSSIA. THE PRODUCTION SHOWN AT THE PERM OPERA AND BALLET THEATRE WAS DEDICATED TO THE MEMORY OF GERARD MORTIER – THAT GREAT OPERA PRODUCER WAS THE ONE WHO SUGGESTED TO ROBERT WILSON SEVERAL YEARS AGO TO STAGE VERDI'S FAMOUS OPERA.

T

he offer was made when Mortier was the director of Madrid's Teatro Real. However, he left his post in September of 2013 due to a serious illness (which

ultimately led to his exit in 2014), and the new leadership refused to take up this project. Since the producer cherished the idea of having the most sentimental and tear-jerking opera staged by the world's "coldest" and most reserved director, he began looking for ways to carry out that project at other venues. The result was an alliance between the Perm Opera and Ballet Theatre, the Dutch Unlimited Performing Arts Company, the Landestheatre in Linz, and the Théâtres de la Ville in Luxembourg. Mortier didn't live to see the finished production. The theatre in Linz was the first to stage it, and that was only a year ago. Perm's turn came in June of 2016.

Wilson is easily recognizable and true to himself in this production, where he served as both a director and a stage designer and provided a lighting solution as well: the empty space on stage is chilled with blue light, the singers' faces are whitened like those of theatre artists but their movements are sharp like those of string puppets. In Russia all of these devices that make up the director's signature style could be seen in "Madama Butterfly", which was just added to the Bolshoi Theatre repertoire in 2005, and in "Pushkin's Fairy Tales", which was released by the Theatre of Nations in June of 2015. But the important thing is this: "La Traviata" is where these devices are 300 percent successful.

Everything human – warm, understandable, slightly vulgar (like Paris at Flora's party) is banished from the stage. Gone are the twilight colors that were so lovingly depicted by many directors: the interiors, the love seats, the champagne flutes – in short, a certain "myth of Paris" engraved in the minds of millions of non-Parisians. Before us is an icy carcass of the city, warm and friendly to those who know how to pretend but one that penalizes viciously all those who dare to be sincere. And here the light, which is set up in such

Robert Wilson

a way as to make the artists' figures appear almost two-dimensional, as is Wilson's wont, looks like a rigorist's declaration which could have gone something like this: I don't care what personal stories turned these people into such heartless creatures – they do not merit such attention.

People do not touch each other within this colossal (the Perm Opera's small stage seems to have been expanded to a cosmic scale) and cold (enormous sharp ice needles move slowly through the air) space. At all. If they need to deliver a letter, one person turns their palm in the air in such a way as if that palm were holding a note, and another person pulls that invisible message out of the air. Due to lack of body contact (neither hugs nor embraces) and rigorous calculations of the characters' movements the theatre at one point begins to resemble a planetarium: we are looking at the wanderings of some impossibly faraway stars. But this illusion (it is all far away, it has nothing to do with us) is quickly shattered by music. Because there is passion in it, and fire, and torment, put into it by Verdi.

Conductor Teodor Currentzis, artistic director of the Perm Opera, whose fame is most associated with interpretations of new music and fascination with authenticity, took on this over-performed and worn

out score and treated it as an intellectual challenge. He made his audience listen to it attentively all over again and hear something new. Made them hear gentleness where ingenuous exultation had rumbled on for centuries; sarcasm where lulling hope could traditionally be heard; strength where the matter appears to revolve around weakness. Teodor Currentzis' orchestra MusicAeterna and the conductor himself insist that "La Traviata", which has long been perceived as a series of hit songs that can provide melodies for a New Year's television concert or a cell phone ringtone, has unified, uniform music. The story of a fiery soul that knocks against an outer layer of ice – a soul that is whole and thus unusual for a restless world that is all torn up in its small cares, a world that ends up killing it. In Wilson and Currentzis' production consumption is the cause rather than the consequence of the heroine's misfortune.

Nadezhda Pavlova, who was given the lead role in the opera, was able to act out – and to live – this unparalleled wholeness. Three seasons ago, Teodor Currentzis invited the young soloist from the Musical Theatre of Karelia, where she worked after graduating from the Petrozavodsk Conservatory, to the Urals. By now, she has amassed an extensive repertoire in Perm – from Martha in "The Tsar's Bride" to Adele in "Die Fledermaus" ("The Bat"), and the singer was even nominated for a Golden Mask award for her role as Doña Anna in "Don Juan." Yet her moment of glory, her rise to the very pinnacle of her profession came precisely with "La Traviata."

Pavlova was absolutely flawless in this production, both as an actor and as a vocalist. The singer told the story of Violetta Valéry, using her voice – and only her voice, strictly adhering to the director's design, rendering all of his alien (with no psychological justification – and that is one of the principles of Wilson's work) fancy gestures, voluntarily transforming herself into an element of an icy painting. Her suffering, her bitter self-mockery, her girlish infatuation, and the transformation of her passion toward Alfredo into an emotion that is almost motherly, selfless, eternal. That voice appeared to have no limits: high notes were no difficult feats; they emerged so freely as though Pavlova could go up another octave without even breaking

a sweat. All theatregoers who attended the premiere that evening – even those that did not believe in any "signs of fate" whatsoever – recalled that the star of another Nadezhda Pavlova was already rising in Perm almost half a century ago – the unique ballerina, hijacked by the Bolshoi Theatre and transferred to Moscow, studied at the Perm Choreographic College.

Airam Hernández, who made his Alfredo Germont touching and a bit absurd, Dimitris Tiliakos, who turned the

hero's father into an inflexible monument (and the character's doubts regarding his own righteousness were heard clearly and honestly in his voice), and Natalia Buklaga, whose Flora savored ordering everyone around at her party, were all greeted enthusiastically by the audience as they came out to take a bow. So, of course, were the choir and the MusicAeterna orchestra.

The Wilson – Currentzis "La Traviata" has only one flaw: it is incredibly difficult to take on tour. It takes five

days to set up the lighting, which creates considerable economic obstacles to presenting the production to the world live, so to speak. But, fortunately, an art society that sets up broadcasts of Bolshoi Theatre ballets and operas from New York's Metropolitan Opera in thirty-five Russian cities (from Kaliningrad to Petropavlovsk-Kamchatsky) included this production into its plan. It is quite possible that the best productions of the Perm Opera and Ballet Theatre will soon be shown outside of our country.